

Рождественские истории

★ КНИГИ
**Вилли
Винки**

2025

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН

Щелкунчик и мышинный король

(отрывок)

СОЧЕЛЬНИК

Шелый день двадцать четвёртого декабря детям советника медицины Штальбаума было запрещено входить в гостиную, а также в соседнюю с нею комнату.

С наступлением сумерек дети, Мари и Фриц, сидели в тёмном уголке детской и, по правде сказать, немного боялись окружавшей их темноты, так как в этот день в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц под величайшим секретом рассказал своей маленькой семилетней сестре, что уже с самого утра слышал он в запертых комнатах беготню, шум и тихие разговоры. Он видел также, как с наступлением сумерек туда потихоньку прокрался маленький закутанный человек

с ящичком в руках, но что он, впрочем, наверное знает, что это был их крёстный Дроссельмейер.

Услышав это, маленькая Мари радостно захлопала ручонками и воскликнула:

— Ах, я думаю, что крёстный подарит нам что-нибудь очень интересное.

Друг дома советник Дроссельмейер был очень некрасив собой; это был маленький, сухощавый старичок, с множеством морщин на лице; вместо правого глаза был у него наклеен большой чёрный пластырь; волос у крёстного не было, и он носил маленький белый парик, удивительно хорошо сделанный. Но, несмотря на это, все очень любили крёстного за то, что он был великий искусник, и не только умел чинить часы, но даже сам их делал. Когда какие-нибудь из прекрасных часов в доме Штальбаума ломались и не хотели идти, крёстный приходил, снимал свой парик и жёлтый сюртук, надевал синий передник и начинал копать в часах какими-то острыми палочками, так что маленькой Мари даже становилось их жалко. Но крёстный знал, что вреда он часам не причинит, а наоборот, — и часы через некоторое время оживали и начинали опять весело ходить, бить и постукивать, так что все окружающие, глядя на них, только радовались. Крёстный каждый раз, когда приходил в гости, непременно приносил в кармане какой-нибудь подарок детям: то куколку, которая кланялась и мигала глазками, то коробочку, из которой выскакивала птичка, — словом, что-нибудь в этом роде.

Но к Рождеству приготавливал он всегда какую-нибудь большую, особенно затейливую игрушку, над которой очень долго трудился, так что родители, показав её детям, потом всегда бережно прятали её в шкаф.

— Ах, как бы узнать, что смастерит нам на этот раз крёстный? — повторила маленькая Мари.

Фриц уверял, что крёстный, наверно, подарит в этот раз большую крепость с прекрасными солдатами, которые будут маршировать, обучаться, а потом придут неприятельские солдаты и захотят её взять, но солдаты в крепости станут храбро защищаться и начнут громко стрелять из пушек.

— Нет, нет, — сказала Маша, — крёстный обещал мне сделать большой сад с прудом, на котором будут плавать белые лебеди с золотыми ленточками на шейках и петь песенки, а потом придёт к пруду маленькая девочка и станет кормить лебедей конфетами.

— Лебеди конфет не едят, — перебил Фриц, — да и как может крёстный сделать целый сад? Да и какой толк нам от его игрушек, если у нас их сейчас же отбирают; то ли дело игрушки, которые дарят папа и мама! Они остаются у нас, и мы можем делать с ними, что хотим.

Тут дети начали рассуждать и придумывать, что бы могли подарить им сегодня. Мари говорила, что любимая её кукла, мамзель Трудхен, стала с некоторого времени совсем неуклюжей, беспрестанно валится на пол, так что у неё теперь всё лицо в противных отметинах, а о чистоте её платья нечего было и говорить; как ни выговаривала ей Мари, ничего не помогало. Зато Мари весело припомнила, что мама очень лукаво улыбнулась, когда Мари понравился маленький зонтик у её подруги Гретхен. Фриц жаловался, что в конюшне его недостаёт хорошей гнедой лошади, да и вообще у него мало осталось кавалерии, что папе было очень хорошо известно.

Дети отлично понимали, что родители в это время расставляли купленные для них игрушки; знали и то, что сам младенец Христос весело смотрел в эту минуту с облаков на их ёлку и что нет праздника, который бы приносил детям столько радости, сколько Рождество. Тут вошла в комнату их старшая

сестра Луиза и напомнила детям, которые всё ещё шушукались об ожидаемых подарках, что руку родителей, когда они что-нибудь им дарят, направляет сам Христос и что Он лучше знает, что может доставить им истинную радость и удовольствие, а потому умным детям не следует громко высказывать свои желания, а, напротив, терпеливо дожидаться приготовленных подарков. Маленькая Мари призадумалась над словами сестры, а Фриц не мог всё-таки удержаться, чтобы не пробормотать: «А гнедого рысака да гусаров очень бы мне хотелось получить!»

Между тем совершенно стемнело. Мари и Фриц сидели, прижавшись друг к другу, и боялись вымолвить слово, им казалось, что будто над ними веют тихие крылья и издали доносится прекрасная музыка. По стене скользнула яркая полоса света; дети знали, что это младенец Христос отлетел на светлых облаках к другим счастливым детям. Вдруг зазвенел серебряный колокольчик: «Динь-динь-динь-динь!» Двери шумно распахнулись, и широкий поток света ворвался из гостиной в комнату, где были Мари и Фриц. Ахнув от восторга, остановились они на пороге, но тут родители подхватили их за руки и повели впереёд со словами:

— Ну, детки, пойдёте смотреть, чем одарил вас младенец Христос!

ПОДАРКИ

Обращаюсь к тебе, мой маленький читатель или слушатель — Фриц, Теодор, Эрнст, всё равно, как бы тебя ни звали, — и прошу припомнить, с каким удовольствием останавливался ты перед рождественским столом, заваленным прекрасными подарка-

ми, — и тогда ты хорошо поймёшь радость Мари и Фрица, когда они увидели подарки и ярко сиявшую ёлку! Мари только воскликнула:

— Ах, как хорошо! Как чудно!

А Фриц начал прыгать и скакать, как козлёнок. Должно быть, дети очень хорошо себя вели весь этот год, потому что ещё ни разу не было им подарено так много прекрасных игрушек.

Золотые и серебряные яблочки, конфеты, обсахаренный миндаль и великое множество разных лакомств унизывали ветви стоявшей посередине ёлки. Но всего лучше и красивее горели между ветвями маленькие свечи, точно разноцветные звёздочки, и, казалось, приглашали детей скорее полакомиться висевшими на ней цветами и плодами. А какие прекрасные подарки были разложены под ёлкой — трудно и описать! Для Мари были приготовлены нарядные куколки, ящички с полным кукольным хозяйством, но больше всего её обрадовало шёлковое платье с бантами из разноцветных лент, висевшее на одной из ветвей, так что Мари могла любоваться им со всех сторон.

— Ах, моё милое платье! — в восторге воскликнула Мари. — Ведь оно точно моё? Ведь я его надену?

Фриц между тем уже успел трижды обскакать вокруг ёлки на своей новой лошади, которую он нашёл привязанной к столу за поводья. Слезая, он потрепал её по холке и сказал, что конь — лютый зверь, ну да ничего: уж он его вышколит! Потом он занялся эскадроном новых гусар в ярко-красных, с золотом мундирах, которые размахивали серебряными сабелями и сидели на таких чудесных белоснежных конях, что можно было подумать, что и кони были сделаны из чистого серебра.

Успокоившись немного, дети хотели взяться за рассматривание книжек с картинками, которые лежали тут же и где были нарисованы ярко раскрашенные люди и прекрасные цветы,

а также милые играющие детки, так натурально изображённые, что казалось, они были живые и в самом деле играли и бегали. Но едва дети принялись за картинки, как вдруг опять зазвенел колокольчик. Они знали, что это, значит, пришёл черёд подаркам крёстного Дроссельмейера, и они с любопытством подбежали к стоявшему возле стены столу. Ширмы, закрывавшие стол, раздвинулись — и что же увидели дети! На свежем, зелёном, усеянном множеством цветов лугу стоял маленький замок с зеркальными окнами и золотыми башенками. Вдруг послышалась музыка, двери и окна замка отворились, и через них можно было увидеть, как множество маленьких кавалеров с перьями на шляпах и дам в платьях со шлейфами гуляли по залам. В центральном зале, ярко освещённом множеством маленьких свечек в серебряных канделябрах, танцевали дети в коротких камзолчиках и платьицах. Какой-то маленький господин, очень похожий на крёстного Дроссельмейера, в зелёном плаще изумрудного цвета, беспрестанно выглядывал из окна замка и опять исчезал, выходил из дверей и снова прятался. Только ростом этот крёстный был не больше папиного мизинца. Фриц, облокотясь на стол руками, долго рассматривал чудесный замок с танцующими фигурками, а потом сказал:

— Крёстный, крёстный! Позволь мне войти в этот замок!

Крёстный объяснил ему, что этого никак нельзя, и он был прав, потому что глупенький Фриц не подумал, как же можно было ему войти в замок, который, со всеми его золотыми башенками, был гораздо ниже его ростом. Фриц это понял и замолчал.

Посмотрев ещё некоторое время, как куколки гуляли и танцевали в замке, как зелёный человечек всё выглядывал в окошко и высовывался из дверей, Фриц сказал с нетерпением:

— Крёстный, сделай, чтобы этот зелёный человечек выглянул из других дверей!

— Этого тоже нельзя, мой милый Фриц, — возразил крёстный.

— Ну так вели ему, — продолжал Фриц, — гулять и танцевать с прочими, а не высовываться.

— И этого нельзя, — был ответ.

— Ну так пусть дети, которые танцуют, сойдут вниз; я хочу их рассмотреть поближе.

— Ничего этого нельзя, — ответил немного обиженный крёстный, — в механизме всё сделано раз и навсегда.

— Во-о-т как, — протяжно сказал Фриц. — Ну, если твои фигурки в замке умеют делать только одно и то же, так мне их не надо! Мои гусары лучше! Они умеют ездить вперёд и назад, как я захочу, а не заперты в доме.

С этими словами Фриц в два прыжка очутился возле своего столика с подарками и мигом заставил свой эскадрон на серебряных лошадях скакать, стрелять, маршировать — словом, делать всё, что только приходило ему в голову. Мари также потихоньку отошла от подарка крёстного, потому что и ей, по правде сказать, немного наскучило смотреть, как куколки выделывали всё одно и то же; она только не хотела показать этого так явно, как Фриц, чтобы не огорчить крёстного. Советник, видя это, не мог удержаться, чтобы не сказать родителям недовольным тоном:

— Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок!

Но мать остановила крёстного и просила показать ей искусный механизм, с помощью которого двигались куколки. Советник разобрал игрушку, с удовольствием всё показал и собрал снова, после чего он опять повеселел и подарил детям ещё несколько человечков с золотыми головками, ручками и ножками из вкусного, душистого пряничного теста. Фриц и Мари очень

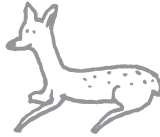

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН

были им рады. Старшая сестра Луиза, по желанию матери, надела новое подаренное ей платье и стала в нём такой нарядной и хорошенькой, что и Мари, глядя на неё, захотелось непременно надеть своё, в котором, ей казалось, она будет ещё лучше. Ей это охотно позволили.

О. ГЕНРИ

Дары волхвов

дин доллар и восемьдесят семь центов! И это всё! Из них шестьдесят центов — по одному пенни. Она выторговывала их по одному, по два пенни у бакалейщика, зеленщика и мясника, и у неё до сих пор щёки горели при одном воспоминании о том, как она торговалась. Господи, какого мнения были о ней, какой жадной и скупой считали её все эти торговцы!

Делла трижды пересчитала деньги. Один доллар и восемьдесят семь центов. А завтра — Рождество!

Ясное дело, что ничего другого не оставалось, как хлопнуться на маленькую потёртую кушетку и реветь. Делла так и сделала, из чего легко можно вывести заключение, что вся наша жизнь состоит из слёз, жалоб и улыбок, — с перевесом в сторону слёз.

В то время как хозяйка будет переходить от одного душевного состояния к другому, мы успеем бросить беглый взгляд на квар-

тиру. Это меблированная квартирка, за которую платят восемь долларов в неделю. Нищенская квартира — вот первое впечатление и самое точное определение.

В вестибюле, внизу, висит ящик для писем, куда никогда в жизни не пройдёт ни единое письмо. Там же находится электрический звонок, из которого ни единый смертный не выжмет ни малейшего звука. В тех же местах можно увидеть визитную карточку: «М-р Джеймс Диллингхем Юнг». Во времена давно прошедшие и прекрасные, когда хозяин дома зарабатывал тридцать долларов в неделю, буквы «Диллингхем» имели чрезвычайно заносчивый вид. Но в настоящее время, когда доходы упали до жалкой цифры в двадцать долларов в неделю, эти буквы как будто бы потускнели и словно задумались над очень важной проблемой: «А не уменьшиться ли им всем до скромного и незначительного «Д»?»

Но при всём том, когда бы мистер Джеймс Диллингхем Юнг ни возвращался домой и мигом ни взбегал на первый этаж, миссис Джеймс Диллингхем Юнг, представленная вам уже как Делла, неизменно звала его «Джим» и крепко-крепко сжимала в своих объятиях. Из чего следует, что у них всё обстояло благополучно.

Делла кончила плакать и припудрила пуховкой щёки. Она стояла у окна и мрачно смотрела на серую кошку, которая пробиралась по серому забору на заднем сером дворе. Завтра — Рождество, а у неё в кармане только один доллар и восемьдесят семь центов. И на эти деньги она должна купить Джиму подарок. В продолжение нескольких месяцев она по пенни копила эти деньги — и вот результат! С двадцатью долларами в неделю далеко не уедешь! Расходы оказались гораздо больше, чем можно было предполагать. Так всегда бывает! И ей удалось отложить только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму.

Её Джиму! Сколько счастливых часов прошло в том, что она строила всевозможные планы и расчёты и раздумывала, что бы такое красивое купить Джиму. Что-нибудь очень изящное, редкое и настоящее, вполне достойное чести принадлежать её Джиму!

Между окнами, выходящими на улицу, стояло простеночное зеркало. Быть может, вам приходилось когда-нибудь видеть подобные зеркала в восьмидолларовых квартирках? Тоненькой и очень подвижной фигурке иногда случается уловить своё изображение в этом ряде узеньких продолговатых стёкол. Что касается стройной Деллы, то ей удалось достигнуть совершенства в этом отношении.

Вдруг она отскочила от окна и остановилась у зеркала. Её глаза зажглись ярким светом, но лицо потеряло секунд на двадцать свой чудесный румянец. Она вынула шпильки из волос и распустила их во всю длину.

А теперь я должен сказать вам вот что. У четы Диллингхем Юнг были две вещи, которыми она гордилась сверх всякой меры. Золотые часы Джима, которые в своё время принадлежали его отцу, а ещё раньше деду, — это раз.

И волосы Деллы — это два. Если бы царица Савская жила напротив и хоть бы раз в жизни увидела волосы Деллы, когда та сушила их на солнце, то мгновенно и навсегда потускнели бы все драгоценности и дары её величества. Если бы, с другой стороны, царь Соломон, при всех своих несметных богатствах, набитых в подвалах, был швейцаром и единый раз увидел, как Джим вынимает из кармана свои замечательные часы, то он тут же, на месте, на виду у всех, выдрал бы себе бороду от зависти!

Итак, волосы, чудесные волосы Деллы упали вдоль её плеч и заструились, точно редкостный каскад каштановой воды. Они достигали её колен и были на ней словно мантия.